

Есин Ю.Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. - Барнаул: Азбука, 2010. - С.53-73.

Esin Yu.N. Problemy vydeleniya izobrazheniy afanasevskoy kultury v naskalnom iskusstve Minusinskoy kotloviny // Afanasevskiy sbornik. - Barnaul: Azbuka, 2010. - S.53-73.

Ю.Н. Есин

ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ¹

Выделение наскальных изображений афанасьевской культуры – одна из сложных и актуальных проблем археологии Центральной Азии. Культура или, точнее, культурно-историческая общность, учитывая большую территорию распространения памятников и значительные вариации в погребальном обряде и инвентаре, занимает горно-степные районы, богатые скальными выходами. На протяжении длительного времени от эпохи камня до современности различные народы использовали их для нанесения изображений. Пока нет оснований исключать возможность наличия такой традиции и у афанасьевцев. Существуют гипотезы об афанасьевской атрибуции некоторых петроглифов на территории Монголии, Тувы, Российского Алтая (Якобсон Э., 2002, с. 33, 43; Цыбиктаров А.Д., 2002, с. 117; Окладникова Е.А., 1984, с. 54; Елин В.Н., Ларин О.В., 1996, с. 85; Деревянко А.П., Молодин В.И., 1991, с. 5; Молодин В.И., 1996, с. 178–181; 1997, с. 39–41; 2002, с. 108; Молодин В.И., Черемисин Д.В., 2002, с. 62; и др.), но наиболее длительную историю имеет разработка этой проблемы применительно к материалам Минусинской котловины.

Историография вопроса. Первоначально решение проблемы афанасьевского наскального искусства Минусинской котловины было связано с попытками культурно-хронологической дифференциации каменных стел или изображенных на них персонажей, относимых к окуневской археологической культуре конца III – начала II тыс.

¹ Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

до н.э. Еще до выделения окуневской культуры о необходимости этого писал С.В. Киселев (1962, с. 58). Затем М.Д. Хлобыстина (1971, с. 73) предположила, что ряд образов окуневского искусства, обнаруживающих юго-западные параллели, принесен в Южную Сибирь афанасьевцами, традиции которых стали одним из компонентов окуневского искусства. Схожей позиции придерживается Я.А. Шер, считающий, что большая часть стел принадлежит афанасьевцам (1980, с. 227, 229; 2006, с. 250). Афанасьевской традицией считал окуневское искусство В.А. Новожёнов, полагавший, что «окуневские памятники генетически связаны с афанасьевскими и отражают хронологические изменения» в их материальной культуре (1994, с. 152). Во многом эта гипотеза явилась реакцией на концепцию окуневской культуры, сформулированную в 1960-е гг. Г.А. Максименковым, который рассматривал ее как автохтонную по происхождению, созданную монголоидными «таежными охотниками». С такой концепцией окуневской культуры, как справедливо отмечал Я.А. Шер, изображения быков и повозок, признаки европеоидности антропоморфных образов не очень вяжутся. Однако более надежных аргументов в пользу связи данных изображений с афанасьевской культурой приведено не было. В настоящее время концепция окуневской культуры Г.А. Максименкова утратила актуальность. В ходе исследования раннеокуневских памятников установлено, что окуневская культура складывается в Минусинской котловине в результате новой миграции европеоидного населения со скотоводческим хозяйством, а появление монголоидных признаков – результат процессов метисации (Лазаретов И.П., 1997, с. 38–40).

Более веские аргументы в пользу афанасьевской принадлежности части окуневских стел, основанные на сопоставлении с декором и формой афанасьевских артефактов, приводил Д.А. Мачинский (2002, с. 192–193). Эти сопоставления интересны и требуют дальнейшего изучения, но они недостаточны для афанасьевской атрибуции большинства стел, поскольку соответствий изображениям стел среди материалов окуневских погребений гораздо больше и они точнее (Леонтьев Н.В. и др., 2006, с. 22; Подольский М.Л., 2006, с. 127, 128).

Л.Р. Кызласов относил к афанасьевской культуре изображения «тощих» быков, подобных обнаруженным на плитах окуневского кургана Разлив X, и приводил следующие аргументы: 1) поздняя стратиграфическая позиция таких рисунков на стелах, поскольку сами стелы он датировал неолитом; 2) наличие рядом с одним «тощим» животным изображения, подобного афанасьевским ритуальным сосудам-курильницам. Кроме того, он относил к афанасьевской культуре три стелы с реалистичными лицами на вершине, которые стилистически обособляются от остальных изображений (Кызласов Л.Р., 1986, с. 251–263). Другие исследователи изображения животных в разливском стиле датировали позднеокуневским временем. Стелы с реалистичными ликами Д.Г. Савиновым были убедительно сопоставлены с изображениями святилища Нарийн-Хурумта в Монголии и каменной скульптурой Западной Сибири и Казахстана, связываемой с сейминско-турбинским кругом памятников (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2004, с. 92).

В последнее время гипотезу об афанасьевских истоках раннеокуневского стиля антропоморфных изображений отстаивала Л.А. Соколова (2004, с. 245), обосновывавшая это сочетанием погребений афанасьевцев и окуневцев в некоторых курганах, где найдены плиты с рисунками. Однако какие-либо антропоморфные изображения в «чистых» афанасьевских памятниках, в отличие от окуневских, пока отсутствуют.

Совершенно иначе к выделению афанасьевского пласта подошли Н.В. Леонтьев, И.В. Ковтун и И.Д. Русакова. Они анализировали изображения не на стелах, а на скалах, опирались на палимпсесты и результаты исследований в соседних регионах. Выводы исследователей различны. Н.В. Леонтьев предложил отнести к афанасьевской культуре изображения быков с вытянутым подпрямоугольным туловищем и антропоморфный лик в виде трех кружков с лучами из комплекса Усть-Туба II. Его аргументы – уникальность этих изображений для Минусинской котловины и перекрывание одного из быков фигурой лося в ангарском стиле, распространенном в окуневское время (Леонтьев Н.В., 1995, с. 58; Леонтьев Н.В. и др., 2006, с. 16). И.В. Ковтун считает вероятной афанасьевскую атрибуцию для петроглифов древнейшего в котловине минусинского стиля (2001, с. 144, 170). Главный его аргумент – стилистическое сходство с ранними изображениями животных святилища Кучерла I на Алтае, которые по гипотезе В.И. Молодина связаны с исследованным у подножия скалы афанасьевским культурным слоем (Молодин В.И., 1996, с. 180). Эту идею разделяет И.Д. Русакова. В ее пользу она приводит палимпсест на писанице Бояры I, где крупный бык в минусинском стиле предшествует рисункам животных в разливском стиле окуневской культуры (Русакова И.Д., 2005, с. 214–216). Обе гипотезы интересны, но требуют дальнейшей разработки. Палимпсесты изображений животных в разном стиле как с устья р. Туба, так и с памятника Бояры I (рис. 1) сами по себе ничего не говорят о нижней дате и культурной атрибуции ранних изображений. Используемая для обоснования культурной принадлежности минусинского стиля гипотеза о взаимосвязи архаичных изображений святилища Кучерла I с афанасьевским слоем, несмотря на перспективность, пока опирается только на один памятник и тоже требует подтверждения другими фактами, в том числе в археологических материалах Минусинской котловины.

Рис. 1. Бояры I. Прорисовка изображений левой верхней части плоскости 7

В целом, существующие подходы к решению проблемы демонстрируют значительное разнообразие: 1) одни рассматривают изображения на стелах, другие – на скалах; 2) одни сопоставляют рисунки с представлениями об этнокультурных процессах в регионе, другие ориентированы на поиск аналогов в материалах афанасьевских погребений либо среди петроглифов соседних территорий, анализ тех или иных палимпсестов. Это вполне объясняет противоречия, возникающие между предлагаемыми гипотезами. В рамках имеющихся гипотез и материалов наибольшего внимания заслуживает вполне очевидная идея для решения этой проблемы опереться на находки из самих афанасьевских памятников. Это пока единственный способ получения надежных аргументов в пользу возможной афанасьевской атрибуции каких-либо наскальных изображений. С учетом этого, исследование вопроса о наскальном искусстве афанасьевской культуры в настоящее время следует вести по следующим направлениям: 1) изучение фигуративных изображений на предметах из афанасьевских памятников; 2) поиск сопоставимых изображений и изображений сопоставимых предметов в наскальном искусстве; 3) расширение круга анализируемых наскальных изображений, которые могут иметь значение для такого исследования.

Декор артефактов и наскальное искусство. Изобразительная традиция афанасьевцев представлена на предметах из погребальных и поселенческих памятников. Основную их часть составляют керамические сосуды, реже встречается декор на предметах из кости, имеются сведения о декоре геометрического характера на изделиях из бересты (Савинов Д.Г., 1994, с. 48) и камня (Погожева А.П. и др., 2006, с. 22, рис. 24). Изображения, в основном, рельефные (оттиски штампа или палочки на глине, налепы, прочерченные линии), но зафиксированы также рисунки, нанесенные красной и белой краской. Афанасьевский декор как знаковая система изучен еще недостаточно. Его специальный анализ, проведенный Д.В. Деопиком и П.Е. Митяевым (1981), свидетельствует против ранее существовавшего мнения о нем как о несложном, всего лишь имитирующем фактуру поверхности плетеных или вязаных изделий (Грязнов М.П., Вадецкая Э.Б., 1968, с. 162; Грязнов М.П., 1999, с. 51). Определены основные орнаментальные зоны, принципы и последовательность нанесения декора. Вместе с тем, пока выделены не все изобразительные элементы, из которых он строится; не всегда это сделано корректно. Например, изображения в виде полуовала одновременно фигурировали в двух разных группах знаков – «зигзаг» и «деревья» (Деопик Д.В., Митяев П.Е., 1981, табл. 1–54, 84), хотя не могут быть отнесены ни к одной из них. В связи с этим, ниже будут кратко проанализированы некоторые из элементов декора афанасьевских сосудов, имеющих значение для рассматриваемой темы.

Одним из типов хорошо распознаваемых изображений на афанасьевских сосудах являются рисунки растений (обычно перевернутых) в виде вертикальной линии с отходящими в стороны наклонными черточками

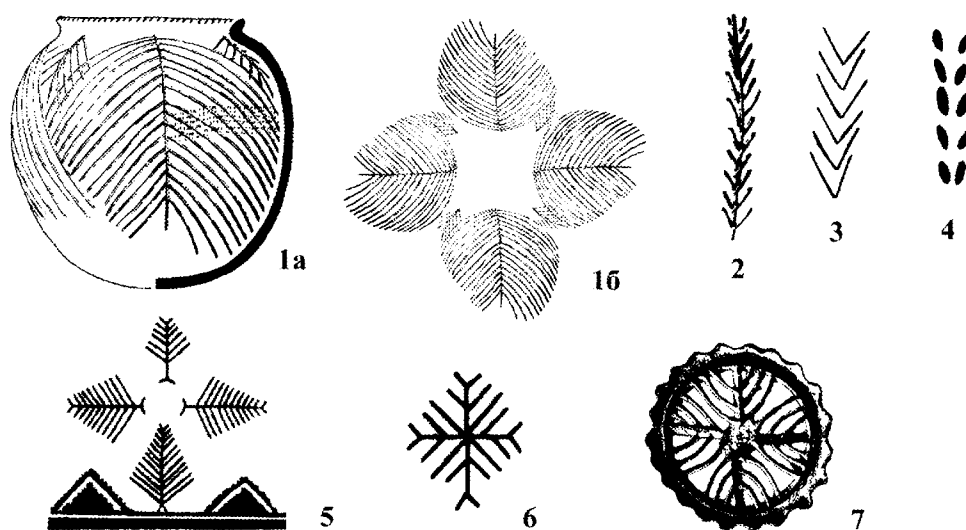

Рис. 2. Некоторые варианты изображения растений на сосудах афанасьевской культуры и аналогии для одной из композиций: 1 – Афанасьева гора (по: Грязнов М.П., 1999, рис. 13–5); 2 – Карасук III (Там же, рис. 35–4); 3 – Урускин Лог-I (по: Погожева А.П. и др., 2006, рис. 32); 4 – Барсучиха IV (по: Грязнов М.П., 1999, рис. 46–5); 5 – декор на сосуде, Намазга IV (по: Антонова Е.В., 1984); 6 – знак на статуэтке, Намазга V (Там же); 7 – медная ажурная печать, Бактрия (по: Sarianidi V., 1998, №552)

(рис. 2-1, 2). На стелах и скалах подобные изображения растений отсутствуют. Только на одной из плит окуневского могильника Черновая VIII имеются сопоставимые петроглифы (рис. 3-5). Однако похожие изображения можно найти на керамике окуневской, самусьской культуры, в искусстве древних земледельцев Передней и Средней Азии, поскольку это наиболее простой способ изобразить растение. На некоторых афанасьевских сосудах бывает изображено четыре, шесть или восемь растений. Возможно, эту композицию следует рассматривать как планиграфическую, состоящую из боковых проекций объектов, развернутых вокруг определенного центра вершинами в противоположные от него стороны (рис. 2-1б). Центром композиции, в данном случае, выступает венчик сосуда. Сопоставимая планиграфическая композиция из четырех растений (рис. 2-5–7) представлена на керамике, печатях и статуэтках древних земледельцев западных районов Центральной Азии. Она являлась моделью мира, в которой показанные растения соотнесены со сторонами света (Антонова Е.В., 1984, с. 20). Вероятно, схожий образ мира передает и афанасьевская композиция. Как более условный вариант трактовки растения можно рассматривать вертикальный ряд из уголков или симметричных наклонных оттисков (рис. 2-3, 4; 5-2). Параллели ему тоже можно найти в материалах разных культур (Массон В.М., Сариниди В.И., 1973, табл. XVII–7; и др.). В наскальном искусстве Минусинской котловины он в какой-то мере напоминает вертикальный ряд из выгнутых вниз дуг на некоторых стелах (рис. 11). Правда, дуги с образом растения уже не связаны, их прямая идентификация с данным декором на афанасьевских сосудах затруднительна.

Наиболее типичны для декора афанасьевских сосудов горизонтальные ряды наклонных оттисков гребенчатого или гладкого штампа. Наклон оттисков в смежных рядах может быть одинаков (рис. 3-1) или противоположен (рис. 3-2), образуя вертикально расположенные зигзаги. О необходимости именно такого понимания данного декора свидетельствует вариант, когда на сосуде изображено несколько обособленных друг от друга пучков вертикальных ломаных линий, образованных из коротких горизонтальных рядов наклонных оттисков (рис. 3-3). Вероятное значение разных вариантов изображений этой группы связано с образом потоков или струй воды и дождя. В какой-то мере такой декор схож с рядами наклонных линий на плитах из окуневских погребений (рис. 3-4–5), которые порой композиционно связаны с рисунками растений и тоже получили объяснение как изображение дождя (Леонтьев Н.В., 1984, с. 32; и др.). Однако такое сходство, как и в случае с рисунками растений, не может служить достаточным аргументом для афанасьевской атрибуции изображений на плитах. Изображения рядов наклонных линий, зигзагов, волнистых линий, связываемых с темой воды и дождя, широко представлены в искусстве разных культур.

В зоне венчика у многих афанасьевских сосудов имеются наклонные линии, образующие декор в виде цепочки углов или зигзага. Иногда, такие изображения представлены и на тулове. Д.В. Деопик и П.Е. Митяев отнесли эти рисунки к группе зигзаг. Однако во многих случаях вполне очевидно, что зигзаг состоит из отдельных

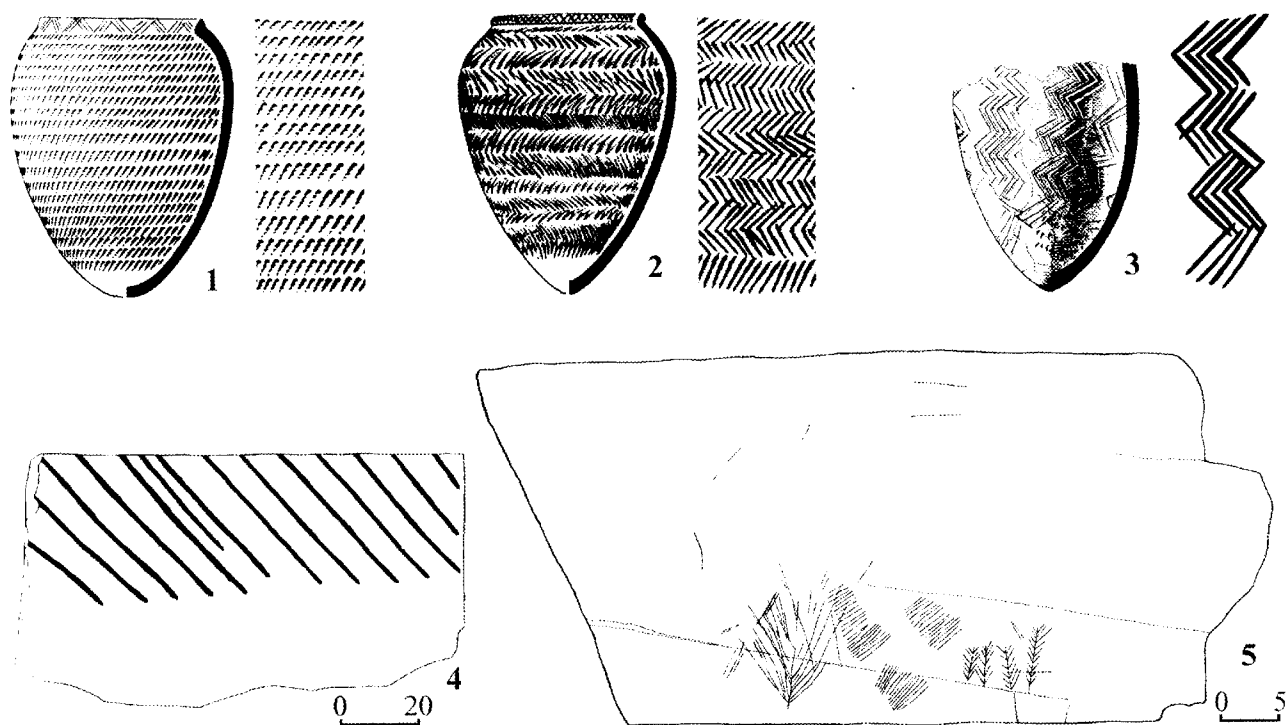

Рис. 3. Композиции из горизонтальных рядов наклонных линий на афанасьевских сосудах и на каменных плитах из окуневских погребений: 1, 2 – Сыда I (по: Грязнов М.П., 1999, рис. 18–6, 19–9); 3 – Барсучиха IV (Там же, рис. 46–12); 4 – Разлив X (по: Леонтьев Н.В. и др., 2006, рис. 24–3); 5 – Черновая VIII (фонды ГЭ)

углов (рис. 4-3-5). Некоторые углы заполнены внутри оттисками орнамента, поэтому воспринимаются уже как треугольники (рис. 4-6-8). Противопоставление знаков данной группы по внутренней структуре коррелирует с разным расположением на сосудах: углы, обычно, расположены вершиной вверх (хотя в составе цепочки порой допустимо двоякое их толкование), а треугольники – вниз. Однажды встречены уголки, направленные вершиной вбок (рис. 7-2). Изображение треугольника и угла в искусстве разных народов, обычно, связано с образом горы (Антонова Е.В., 1984, с. 22; и др.). Такое же значение вполне вероятно и для афанасьевских рисунков. Треугольники вершиной вниз иногда чередуются с рисунками растений вершиной вниз (Погожева А.П., 2006, с. 25, рис. 9-1; Погожева А.П. и др., 2006, с. 132, рис. 31-1). Эта композиция допускает сегментацию на отдельные блоки, состоящие из центрального и периферийных элементов, напоминающие характерную для древних земледельцев западных районов Центральной Азии трехчастную композицию из растения между двух гор, имевшую космологическое значение (рис. 2-5). На тулове яйцевидного сосуда из могильника Улаган в Горном Алтае изображены четыре одинаковые композиции из угла и треугольника (рис. 4-9), в которых угол и треугольник ориентированы противоположно: угол вершиной вверх, треугольник – вниз. Вершины обеих фигур сходятся в одной точке. Культурная атрибуция погребения с этим сосудом неоднозначна. В последнее время по одной гипотезе оно относится к локальному варианту афанасьевской культуры, по другой – к иной культуре эпохи бронзы (Абдулганеев М.Т., 2006, с. 16-18; Погожева А.П. и др., 2006, с. 10). Параллели образу двух противопоставленных гор сосуда с Улагана есть на каменной плитке из окуневского могильника Уйбат V (рис. 4-10) и среди петроглифов Монголии (рис. 7-9). Аналог самому типичному варианту афанасьевского уголка (рис. 4-5) имеется на одном из окуневских сосудов (Лазаретов И.П., 1997, табл. XXII-3).

Еще одним типом знаков на афанасьевских сосудах являются вертикальные полуовалы (рис. 4-1-2). Как и углы, они образуют композиции в виде горизонтальных рядов, порой занимая то же самое место в структуре декора на тулове, либо прочерчены отдельно. Иногда, на сосудах, подобно растениям, они расположены вершиной вниз (Грязнов М.П., 1999, рис. 35-5), но чаще – противоположно (там же, рис. 25-4). Такой знак сопоставим с деталями некоторых наскальных изображений и даже формой стел (Есин Ю.Н., 2005, рис. 12). Полуовал – широко распространенная в самых разных изобразительных традициях фигура. В самусьском и окуневском искусстве его значение связано с моделированием представлений о форме небосвода в вертикальной проекции (Есин Ю.Н., 2001, с. 41; 2005, с. 120). И.В. Ковтун сопоставляет полуовалы на афанасьевских сосудах с формой верхней части женских фигур на скале Калбак-Таш, которые сочетаются там с рисунками животных в алтайском варианте минусинского стиля

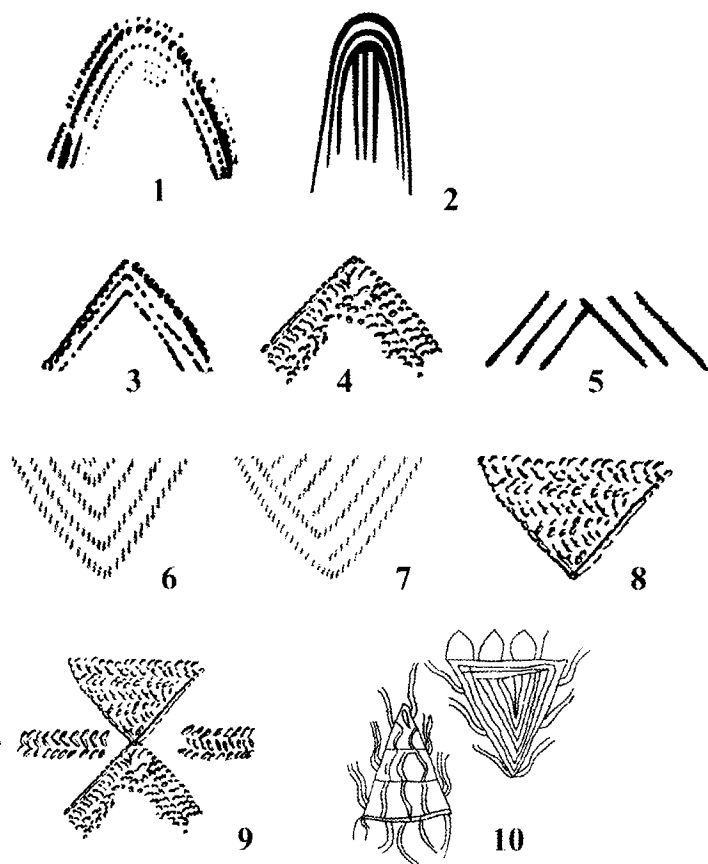

Рис. 4. Некоторые варианты полуовалов, уголков и треугольников на афанасьевских сосудах: 1 – Карасук III, 5 – Сыда I (по: Грязнов М.П., 1999, рис. 25–1; рис. 18–6); 2 – Нижний Тюмечин-I (по: Посредников В.А., Цыб С.В., 1992, рис. 3–2); 3 – Тесь (по: Вадецкая Э.Б., 1986, табл. X); 4, 8, 9 – Улаган (по: Грязнов М.П., Вадецкая Э.Б., 1968, с. 163); 6, 7 – Красный Яр (по: Вадецкая Э.Б., 1981, рис. 12–5) и композиция на плитке из окуневского кургана (10 – Уйбат V (Лазаретов И.П., 1997, табл. XII–4)

сыми крестами внутри некоторых столпообразных изображений на стелах (Леонтьев Н.В., 1975, с. 65; Мачинский Д.А., 2002, рис. 1-3). Однако структура последних намного сложнее (рис. 6-6, 7). Корректнее будет сравнить афанасьевские цепочки косых крестов с самостоятельным вертикальным рядом из косых крестов на узкой грани одной из стел (рис. 6-5). Вместе с тем, следует отметить, что аналогичная композиция имеется в приустьевой части некоторых раннеокуневских сосудов (рис. 6-8–10).

Определенные параллели на стелах имеются для более сложных афанасьевских изображений. Одним из них является знак, сопоставимый в какой-то мере с рассмотренными выше углами, но имеющий иные пропорции. Он состоит из двух наклонных и слегка изогнутых линий, которые пересекаются в верхней части, образуя развилку. Короткими горизонтальными чертами его основная часть (ниже развилки) поделена на три яруса. Три таких рисунка прочерчены на тулове афанасьевского сосуда из могильника Подсуханиха (рис. 7-1). Последовательность декорирования этого сосуда такова: сначала были нанесены три блока горизонтальных рядов разнонаправленных наклонных линий (декорирование начиналось от венчика); затем в промежутках между ними сверху вниз прочерчены вертикальные знаки с развилкой наверху; в последнюю очередь поверх этих фигур прочерчены горизонтальные линии, соединившие между собой соседние блоки наклонных линий. Незаполненный декором фон по бокам вертикальных знаков имеет форму, близкую к треугольной. Эти «треугольники» (по три с каждой стороны фигуры) расположены горизонтально и симметрично относительно фигуры, направлены вершинами в противоположные стороны (рис. 7-1а, 1б). Композиция на сосуде из Подсуханихи в виде знака с развилкой наверху, по бокам которого находятся блоки зигзагов, в содержательном плане напоминает композицию из угла

(2001, с. 146). Однако в отличие от полуовалов на тулове сосудов, полуовалы на скалах являются элементом сложного изображения – верхней частью туловища женской фигуры, хотя вполне вероятно, что и в этом контексте несут космологическое значение, отражая существовавшие метафорические отождествления частей образа богини с элементами модели мира. Для решения вопросов культурной атрибуции подобного сходства недостаточно.

На афанасьевском сосуде из раскопок С.В. Киселева у с. Тесь прочерчена косая сетка (рис. 5-1). Декор подобного типа фиксируется еще на некоторых афанасьевских сосудах (Грязнов М.П., 1999, рис. 5, 8, 10, 7; Красниенко С.В., 2002, рис. 9; и др.). Нарисованная красной краской или прочерченная косая сетка встречена на плитах из ранних и классических окуневских могильников Тас-Хазаа, Верхний Аскиз I, Сыда V (рис. 5-3, 4). При этом, аналогичный декор имеется также на окуневских сосудах из могильников Моисеиха, Лебяжье, окуневского ритуального сооружения на горе Хазынхыр (рис. 5-5, 6).

Среди других изображений, представленных в декоре афанасьевских артефактов, необходимо отметить косой крест. Он встречается на венчиках сосудов и изделиях из кости (рис. 6-1–4). Во всех случаях это не единичные знаки, а горизонтальные или вертикальные ряды. В наиболее сложном варианте кресты исполнены двойными линиями и отделены друг от друга поперечными линиями. Такой декор на кинжаловидном изделии из ребра коровы могильника у с. Тесь сопоставим с ко-

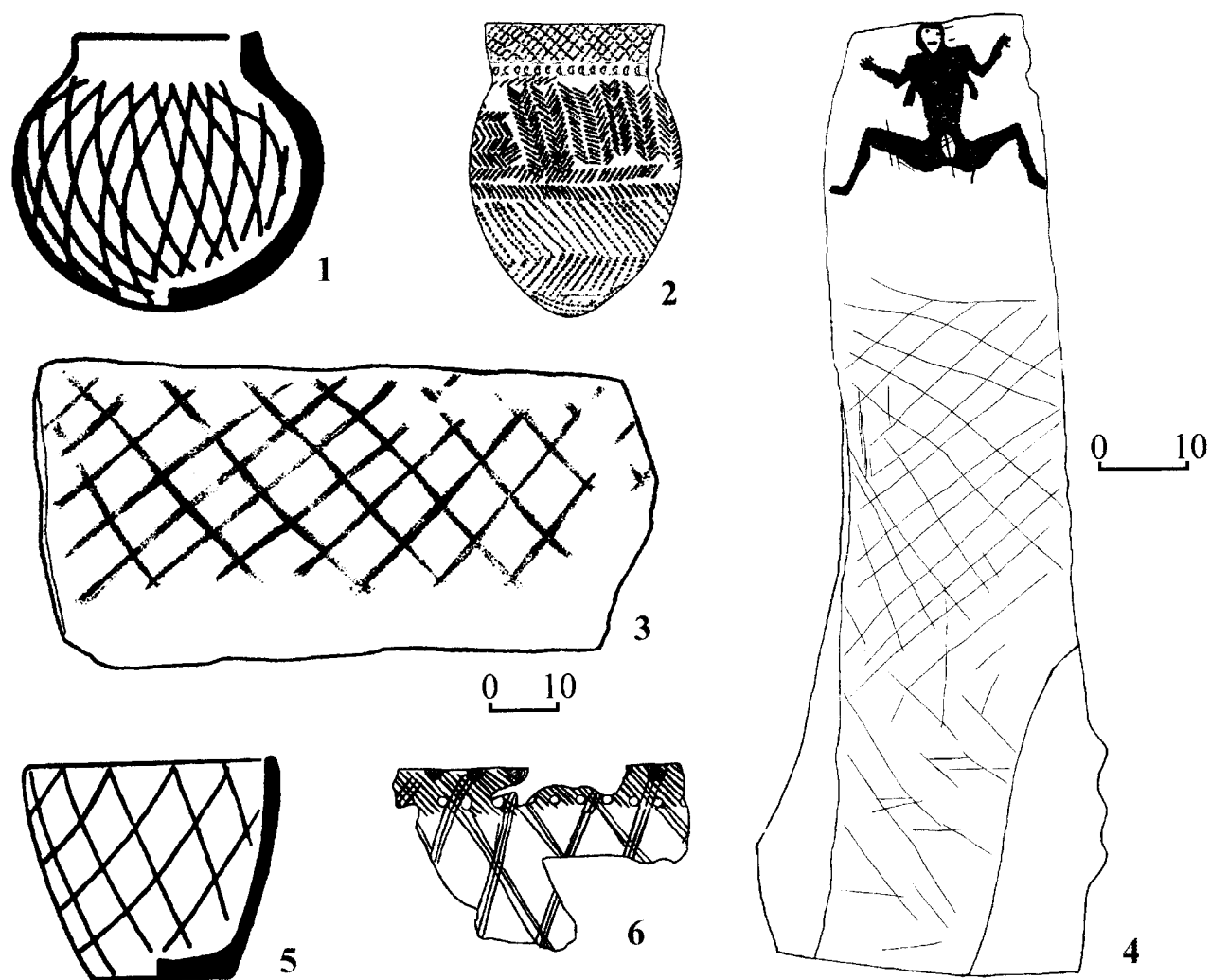

Рис. 5. Косая сетка в декоре афанасьевских и окуневских сосудов и стел: 1 – Тесь (по: Вадецкая Э.Б., 1986, табл. X); 2 – Горный Алтай (по: Степанова Н.Ф., 2008, рис. 1–11); 3 – Верхний Аскиз (по: Хаврин С.В., 1997, рис. 4–2); 4 – Сыда V (фонды МКМ); 5 – Лебяжье (по: Вадецкая Э.Б., 1986, табл. X); 6 – Хазынхыр (по: Кириллова Д.А., Подольский М.Л., 2006, рис. 12)

и перевернутого треугольника с двумя блоками вертикальных зигзагов по бокам на сосуде из Улагана (рис. 4) и композицию, центральным элементом которой является растение вершиной вверх, на сосуде из могильника Ит-коль II (см. статью А.В. Полякова в настоящем сборнике, рис. 8-2). Несмотря на единичность таких изображений, их сходство свидетельствует об устойчивости и традиционности стоящих за ними представлений. Сопоставимые с изображениями из Подсухани вертикальные знаки нарисованы белой краской на тулове плоскодонного сосуда из афанасьевского погребения у с. Тесь. Их контур образуют две вертикальные линии с короткими поперечными черточками внутри и уголками по бокам. При этом поперечные линии делят вертикаль не на три яруса, а на более дробное число элементов (рис. 7-2).

Описанные фигуры с развилкой на вершине и делением на ярусы сопоставимы с изображением столпа в верхней части отдельных стел и формой головного убора некоторых антропоморфных персонажей, относимых к окуневскому искусству (рис. 7-3, 4, 10). Можно также упомянуть уголки с развилкой на вершине на окуневском сосуде (Лазаретов И.П., 1997, табл. XXII–4) и в структуре знака в виде круга с четырьмя лучами на стелах (рис. 7-11). Изображения на стелах являются образом мифической горы или столпа, связывающих небо и землю, отдельные ярусы которых соотнесены с основными ярусами мира (Леонтьев Н.В., 2000, с. 30–33). Однако во всех случаях такое изображение является частью более сложной композиции, остальные элементы которой (голова человека, зверя и др.) параллелей в материалах афанасьевской культуры не имеют. В рамках памятников наскального искусства Минусинской котловины наиболее корректным представляется сопоставление афанасьевских столпо-

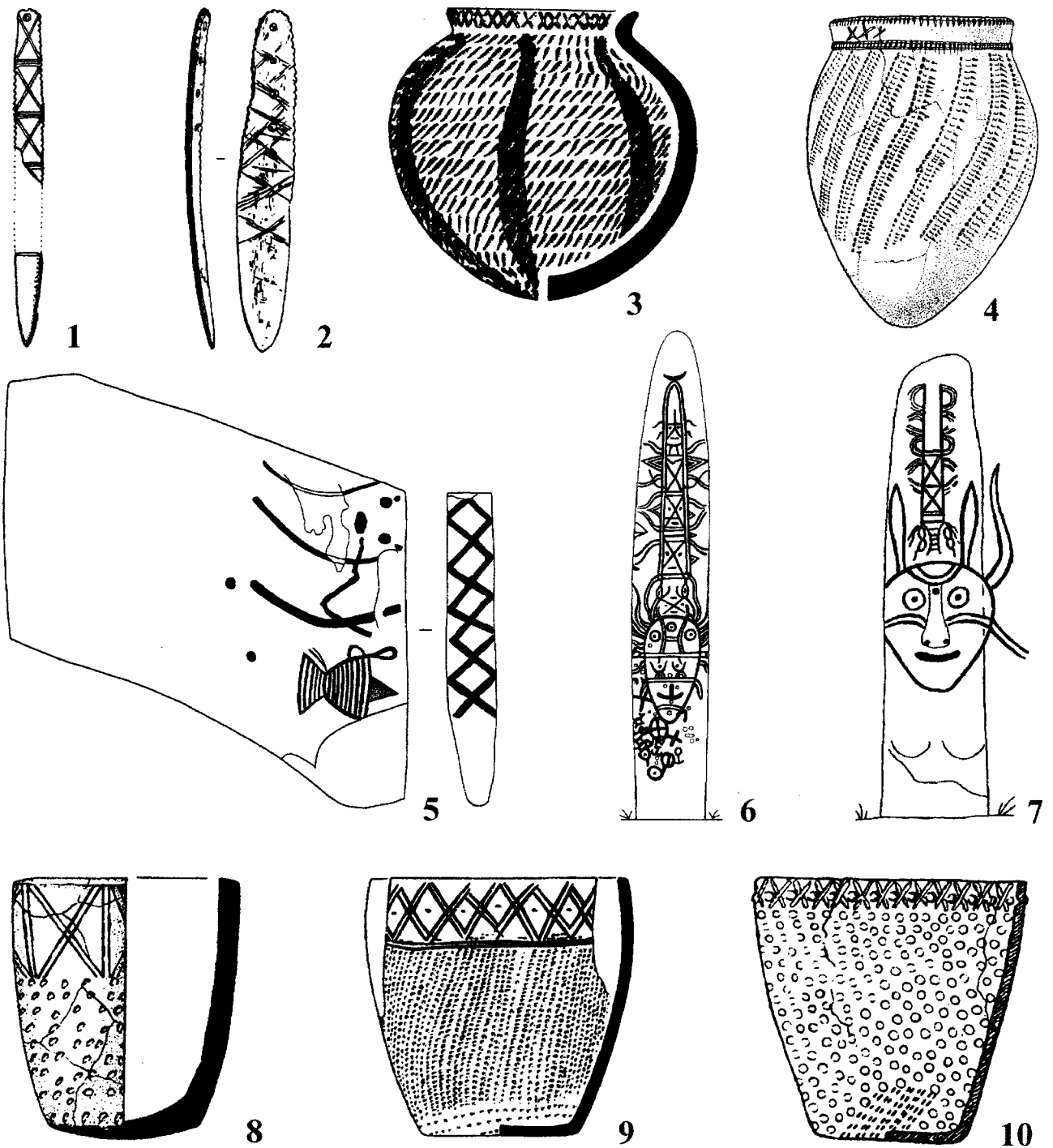

Рис. 6. Изображения цепочек косых крестов на сосудах афанасьевской и окуневской культур и на стенах:
 1 – Тесь; 2 – Малые Копены (по: Киселев С.В., 1929, табл. I–1; 1949, табл. VI–8); 3 – Бельтыры (по: Липский А.Н., Вадецкая Э.Б., 2006а, табл. I–2); 4 – Бюрь (по: Кызласов Л.Р., 1962, рис. 6); 5 – Уйбат V (по: Леонтьев Н.В. и др., 2006, №236); 6, 7 – Черное озеро (Там же, №110, 36); 8 – Моисеиха (по: Леонтьев С.Н., 2006, рис. 1–3);
 9 – Узунчул 37 (по: Подольский М.Л., 1997, рис. 7–7); 10 – Мохов-6 (по: Киргинеков Э.Н., 1997, рис. 4–2)

образных фигур (прежде всего, на сосуде из с. Тесь) с небольшой серией стел, выделяющейся относительно простой композицией в виде вертикального ряда горизонтальных дуг или прямых желобков на узкой грани (рис. 11). Края грани равнозначны линиям, образующим контур столпообразных фигур на сосудах, а поперечные линии – горизонтальным линиям внутри них.

Кроме этого, столпообразные фигуры на сосуде из могильника Подсуханиха близки изображению на пока уникальной скульптуре из красновато-коричневого песчаника в виде головы животного (8,4х7х4,2 см), найден-

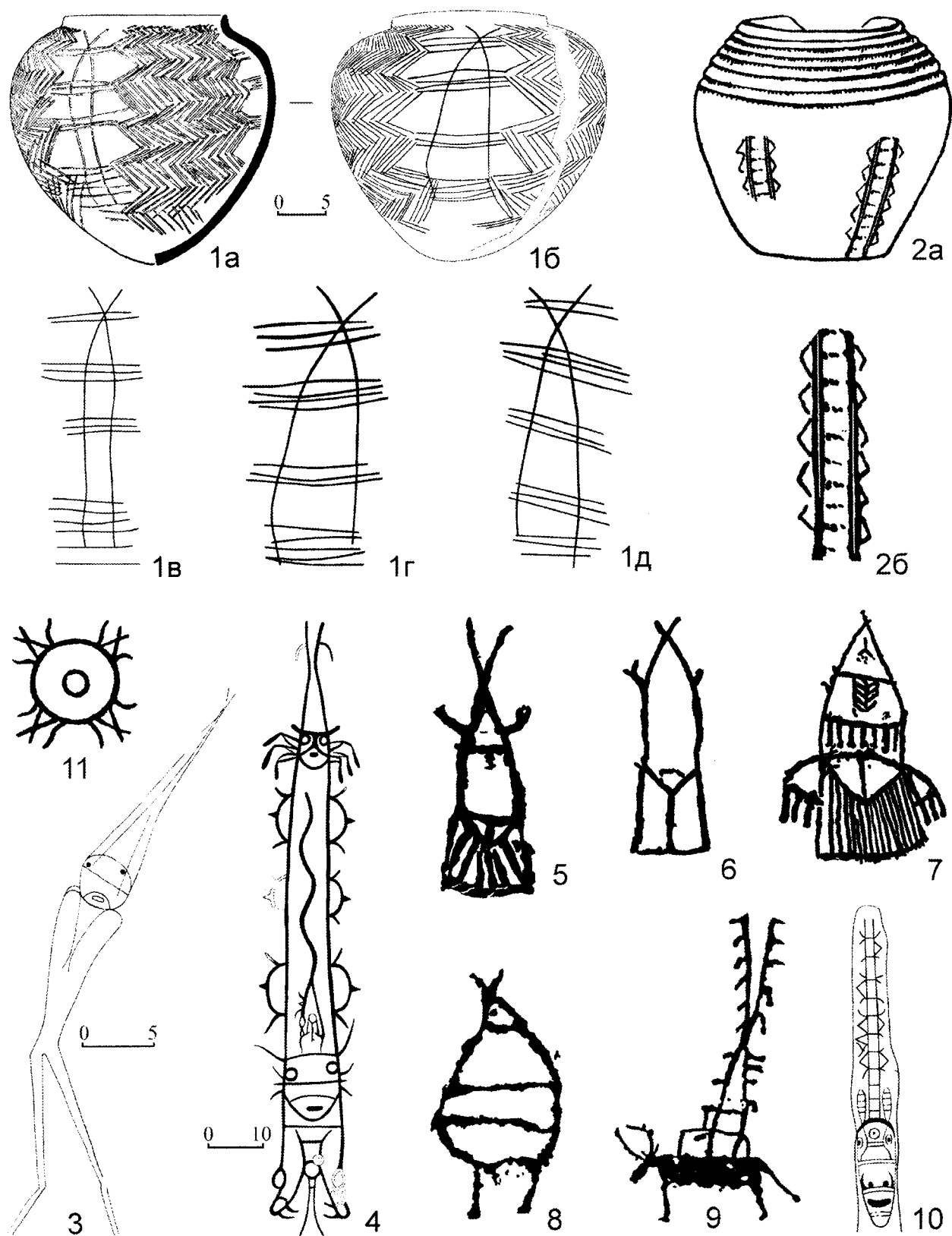

Рис. 7. Сложные знаки в виде столпа на афанасьевских сосудах и их аналоги среди хронологически близких изображений Саяно-Алтая: 1 – Подсуханиха, м. 6 (1а – по: Грязнов М.П., Вадецкая Э.Б., 1968; 1б–1д – фонды Государственного Эрмитажа); 2 – Тесь, к. 14, п. 2 (по: Киселев С.В., 1949, табл. III–28); 3 – Тас-Хазаа; 4 – Июс; 5–7 – Калбак-Таш (по: Kubarev V., Jacobson E., 1996, fig. 363, 577, 189); 8, 9 – Монгольский Алтай (по: Кубарев В.Д. и др., 2005, рис. 69–1, 93–8); 10 – Ташебинский чаатас (по: Леонтьев Н.В. и др., 2006, №86); 11 – Усть-Бюрьский чаатас (Там же, №111)

ной в 1913 г. на левом берегу р. Енисей возле д. Очуры (рис. 8). Скульптура имеет подтреугольную в плане форму. На верхней уплощенной ее стороне вырезаны две окружности с ямками в центре. Они расположены по бокам двух наклонных линий, которые в верхней части сходятся, а затем снова расходятся в разные стороны, образуя развилку. Нижние концы этих линий заканчиваются круглыми ямками ноздрей, расположенными на торцевой стороне камня. Еще две округлые ямки нанесены на боковых сторонах скульптуры и, вероятно, передают уши. Рот показан горизонтальным желобком ниже ноздрей. Имеющиеся на предмете слабые следы сработанности позволяют предполагать его использование в качестве терочника и, возможно, оселка. На нижней стороне скульптуры вырезаны рунические знаки. Скульптура и руны ранее считались одновременными, поэтому предмет датировался средневековым, считался талисманом и связывался с образом льва (Аманжолов А.С., 1974, с. 140; Васильев Д.Д., 1983, с. 39, Е86). Однако рунических знаков недостаточно для датировки изображения, т.к. известны факты нанесения руники поверх стел эпохи бронзы (Леонтьев Н.В. и др., 2006, №63, 223 и др.). К тому же, рунические знаки здесь вырезаны более грубо и, видимо, другим инструментом. Форма глаз типична для изображений на стелах эпохи ранней бронзы Минусинской котловины, но совершенно не характерна для средневековья. Размещение столпообразного знака на месте носа также имеет параллели на стелах эпохи ранней бронзы (Леонтьев Н.В. и др., 2006, №114, 122, 157, 203, 240). Сомнения вызывает и объяснение скульптуры как головы льва. С большим основанием ее можно считать условно трактованной головой медведя. В качестве определенной аналогии можно отметить изготовленные из камня терочники в виде головы медведя, найденные на поселении эпохи бронзы Самусь IV. На памятниках средневековья сопоставимые изделия не известны. Таким образом, не исключена связь находки из д. Очуры с афанасьевской или окуневской культурами.

Параллели столпообразным фигурам на сосуде из могильника Подсуханиха можно найти и за пределами Минусинской котловины – на северо-западе Монголии и на территории Российского Алтая среди изображений памятника Калбак-Таш. На вершине у них тоже имеется развилка, а некоторые из фигур поделены поперечными линиями на три яруса (рис. 7-5-9). Правда, в отличие от рисунков на сосуде из могильника Подсуханиха, большинство из них наделено еще и разным набором признаков антропоморфных персонажей – короткими воздетыми вверх руками, ногами, знаком женского пола, «беременным» животом, деталями одежды. Калбакташские фигуры этого типа (а также с полуovalом в верхней части) Е.А. Окладникова (1990, с. 68-84; 2009, с. 12-16) и Д.Г. Савинов (2005, с. 220) считают изображением ритуальной постройки. Они действительно могли иметь какие-то реальные параллели в ритуале, однако их форма (также как и форма аналогичных сооружений, если они существовали) обусловлена моделированием образов мифической горы или столпа и женского божества, образующих одно целое. Подобный синкретичный образ горы, способной порождать различные явления и объекты природы, известен, например, по текстам из Передней Азии того же времени (Антонова Е.В., 1984, с. 23).

В целом, рассмотренные элементы декора предметов, связанных с афанасьевской культурой, демонстрируют определенное сходство с декором сосудов и наскальными изображениями других раннескотоводческих культур Минусинской котловины и соседних областей, а в какой-то мере и культур с производящей экономикой более отдаленных территорий центрально-азиатского региона. Во многом оно отражает близость наиболее общих мировоззренческих представлений, что вполне закономерно. Вместе с тем, среди элементов афанасьевского декора выявлены и такие, которые обнаруживают более точное сходство с изображениями на некоторых каменных стелах Минусинской котловины. Последние, несомненно, заслуживают дальнейшего всестороннего анализа на предмет их возможной связи с афанасьевской культурой.

Изображения артефактов в наскальном искусстве. Э. Якобсон в целях выделения афанасьевского пласта в петроглифах Алтая пыталась выявить на скалах изображения предметов, подобных каменным жезлам из афанасьевских погребений (2002, с. 43). Однако такие рисунки можно найти в разных изобразительных традициях, поэтому, с учетом отсутствия у афанасьевских жезлов каких-либо специфических особенностей, данный критерий не позволил получить достоверные выводы о культурной атрибуции изображений. Внимание Д.А. Мачинского привлекло костяное кольцо с четырьмя выступами, найденное на юге Российского Алтая в афанасьевском погребении могильника Бертек-33 (Савинов Д.Г., 1994, рис. 34-2). Он сравнил его с типичным для окуневских стел знаком в виде круга с четырьмя треугольными лучами (Мачинский Д.А., 2002, рис. 6, 7). Однако окуневские знаки не являются изображением колец. Если между сравниваемыми явлениями и есть сходство, то только на уровне некоторых общих мировоззренческих идей, обусловивших их форму. Наличие сходных представлений еще не означает культурное единство. Такое же объяснение можно допустить и для предложенного Д.А. Мачинским сравнения яйцевидной формы афанасьевских сосудов с яйцевидной формой ликов на стелах (2002, с. 192). Основанием для афанасьевской атрибуции сравниваемых наскальных изображений оно быть не может.

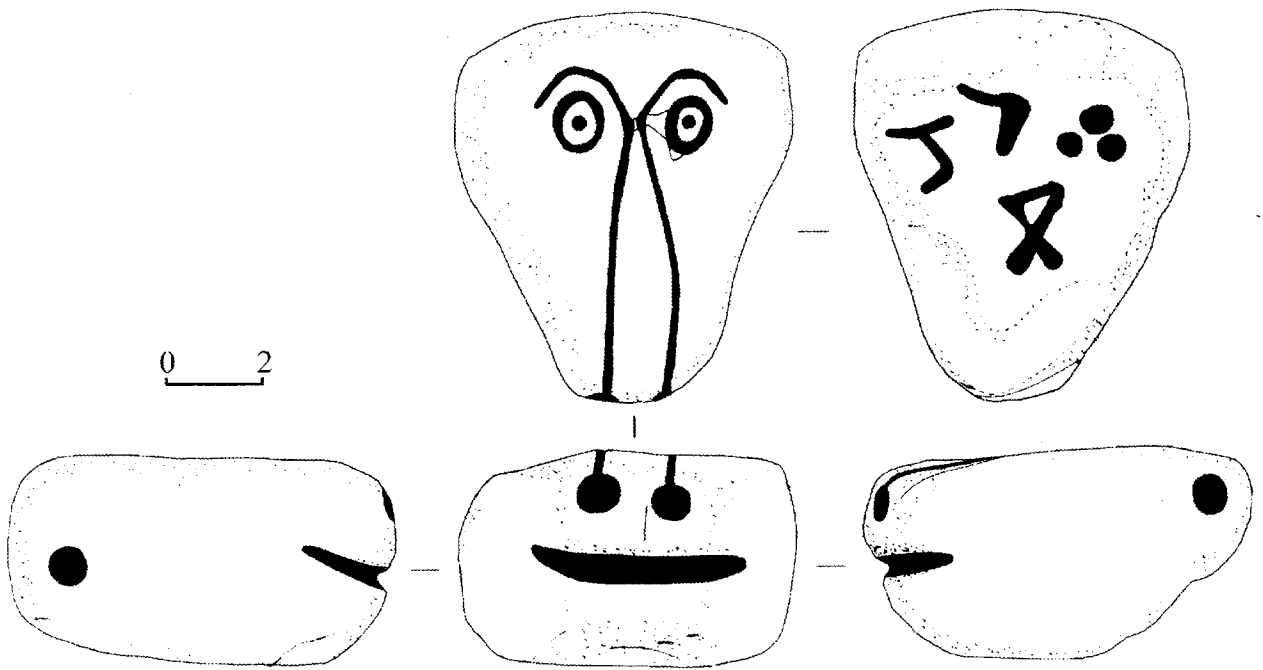

Рис. 8. Изображение головы животного из окрестностей с. Очурь (фонды МКМ)

Поиск среди наскальных изображений аналогов предметам материальной культуры афанасьевцев заставляет обратить внимание на биконическую фигуру, передающую форму ритуального сосуда на поддоне, обычно именуемого курильницей или светильней (рис. 9). Такие сосуды имеются в материалах и афанасьевской, и окуневской культур, но отличаются некоторыми деталями конструкции: 1) у афанасьевских сосудов с внешней стороны чаши, как правило, имеется ручка; 2) для окуневских сосудов ручки не характерны, внутри чаши выделен небольшой отсек (Максименков Г.А., Мартынов А.И., 1968, с. 167; Грязнов М.П., 1999, с. 53). Афанасьевские ручки, обычно, выполнены наклепом и расположены горизонтально в средней или верхней половине чаши. В проекции сверху для них типична форма близкая полуovalу. Часто в ручке имеются два вертикальных отверстия для пропускания веревочки, с помощью которой курильница могла к чему-то подвешиваться или крепиться. У окуневских курильниц такие же, но горизонтальные, отверстия встречаются прямо в стенке чаши, в той ее части, которая отгорожена перегородкой (Вадецкая Э.Б., 1986б, рис. 31, 33, 36). Лишь у одной миниатюрной курильницы, не предназначавшейся для практического использования, отверстия в стенке не сопровождаются перегородкой внутри чаши (Шер Я.А., Грушин С.П., 2006, с. 96, рис. 6–2). Таким образом, возможная функция перегородки заключается в том, что она отгораживает участок стенки с отверстиями от остальной емкости курильницы и позволяет использовать для пропускания шнура и в качестве ручки для перемещения сосуда непосредственно его стенку (сосуд удобно держать и перемещать, если поместить большой палец внутрь отсека). Отсутствие наклепной ручки упрощало процесс изготовления сосуда и делало его более долговечным. Вместе с тем, предложенное объяснение назначения этого конструктивного элемента, вероятно, не является исчерпывающим. В данном случае для нас важно, что рисунки курильниц на стелах, как и реальные сосуды, тоже можно разделить на две группы: 1) с ручками (рис. 9-1, 2; 11-7); 2) без ручек (рис. 9-3–8; 11–2). Заслуживает специального внимания, что ручки изображены вертикально. В материалах Минусинской котловины известны лишь единичные аналоги такому положению ручки – один афанасьевский сосуд из могильника Моисеиха (Вадецкая Э.Б., 1986б, рис. 30) и находка из кургана Тас-Хазаа (рис. 10). Видимо, показ ручек вертикально обусловлен не особенностью конструкции сосуда, а спецификой пространственных построений в первобытном искусстве, допускавшем поворот изобразительной плоскости отдельных элементов изображения для повышения его информативности (подобно повороту плоскости колес при изображении повозок и колесниц в проекции сверху в петроглифах эпохи бронзы Центральной Азии). В этом случае появляются веские основания предполагать связь таких изображений с афанасьевской культурной традицией, для которой курильницы с ручкой были важнейшим ритуальным атрибутом. Горизонтальные линии на рисунках курильниц соответствуют горизонтальным полосам декора из отступающих оттисков какого-либо орнамента или каннелюров. Такой декор также характерен для курильниц афанасьевской культуры.

Важно, что во всех (трех) случаях курильницы с ручками изображены на стелах, где имеются вертикальные ряды горизонтальных дуг и цепочка косых крестов (рис. 11-2, 6, 7). Рисунки этих стел уже отмечались выше как наиболее близкие к декору на афанасьевских артефактах. Видимо, эта связь не случайна. Вертикальные ряды дуг являются самостоятельным типом изобразительного текста, поскольку имеются стелы, на которых какие-либо другие изображения отсутствуют (рис. 11-1). Нет никаких сомнений, что курильницы выбиты позднее дуг, т.к. в двух случаях расположены перпендикулярно им, свидетельствуя об использовании того же камня, уже упавшего или специально перевернутого, для нового ритуала. Вторичное использование, однако, не следует рассматривать как отражение разнокультурности дуг и курильниц, т.к. большое количество фактов демонстрирует возможность неоднократного использования одной плиты для нанесения разных изображений в рамках не только одной культуры, но и одного коллектива. Например, на многих плитах окуневских курганов Тас-Хазаа и Черновая VIII имеется по несколько слоев изображений, принадлежащих к одной и той же изобразительной традиции. У анализируемых стел тоже наблюдается определенная преемственность ритуального использования, т.к. и курильницы, и выбитые ранее здесь же вертикальные ряды дуг или крестов находят параллели в материалах афанасьевской культуры.

В двух случаях курильницы с ручками сочетаются с изображением простого антропоморфного лица (рис. 9-1, 2). У одного из них над глазами имеются короткие наклонные линии. Такая деталь характерна только для типологически ранних антропоморфных ликов окуневского искусства, найденных, например, в раннеокуневских погребениях Тас-Хазаа, Уйбат V (Есин Ю.Н., 2009, рис. 3-1; Лазаретов И.П., 1997, табл. XI-3), в кургане Большое

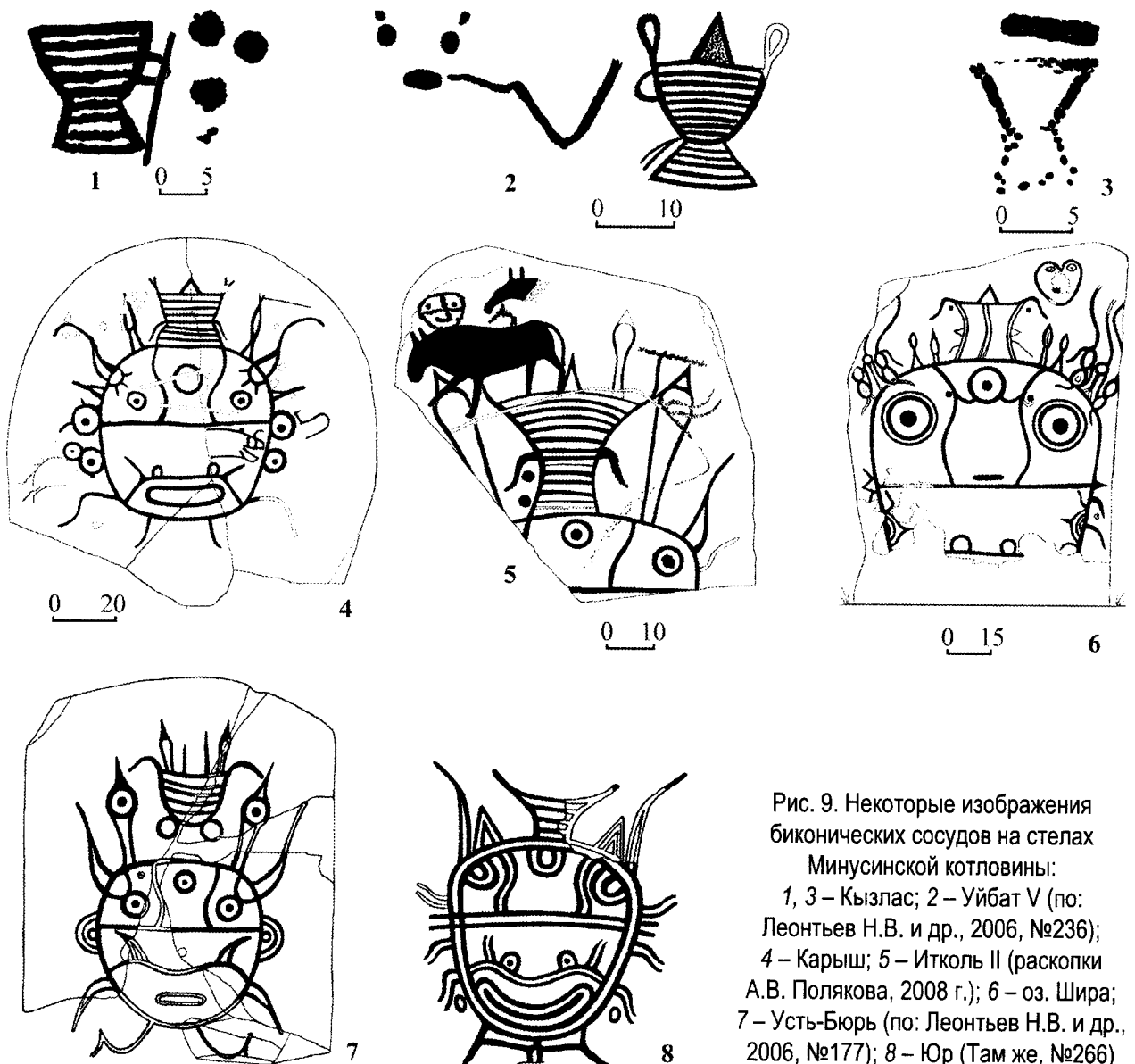

Рис. 9. Некоторые изображения биконических сосудов на стелах Минусинской котловины:
1, 3 – Кызлас; 2 – Уйбат V (по: Леонтьев Н.В. и др., 2006, №236);
4 – Карыш; 5 – Итколь II (раскопки А.В. Полякова, 2008 г.); 6 – оз. Шира;
7 – Усть-Бюрь (по: Леонтьев Н.В. и др., 2006, №177); 8 – Юр (Там же, №266)

кольцо, содержащем захоронения афанасьевцев и окуневцев (см. статью Э.Н. Киргинекова в настоящем сборнике). Это позволяет датировать относительно ранним временем и дуги, и курильницы с ручками.

Можно указать еще один простой антропоморфный лик, вероятно связанный с той же традицией. Он состоит из горизонтального желобка рта, двух круглых лунок, обозначающих глаза, и двух круглых лунок, обозначающих ноздри. Внутри выбитых элементов сохранились остатки красной краски. Лик нанесен в средней части стелы, вкопанной в перевернутом виде в ограде кургана гагарской культуры у подножия горы Багульная (Хулган) (Леонтьев Н.В. и др., 2006, №20). Не исключено, что на вершине стелы, скрытой в настоящее время под землей, могут находиться еще какие-то изображения. По материалу, форме и размерам эта стела аналогична двум другим, установленным в ограде того же кургана, но несущим изображения дуг и курильницы (рис. 11-7, 8). Скорее всего, все три камня когда-то стояли на одном святилище.

Иная точка зрения на датировку изображений курильниц была высказана Д.Г. Савиновым, синхронизировавшим курильницу на стеле у горы Багульная с рисунком тощей коровы, датированной им позднеокуневским временем (Савинов Д.Г., 2004, с. 253). Впрочем, никаких аргументов в пользу их синхронизации и возможности рассмотрения как единой композиции (к тому же выполненной в едином масштабе) не приведено. Против данной точки зрения свидетельствует единичность сочетания животного в таком стиле с рисунком курильницы.

Иногда на стелах рядом с дугами и курильницами нанесены округлые лунки. В одном случае такие лунки являются глазами и ртом синхронного курильнице простого антропоморфного лика (рис. 9-1). Однако оснований связывать с той же традицией все лунки на любых памятниках нет. Подобные изображения выбивались также окуневцами и населением тагарской культуры скифского времени. Обычно исследователи объясняют лунки как солярные символы, знаки женского детородного начала и т.д. (обзор гипотез см.: Кубарев В.Д., 1988, с. 104–109). При интерпретации лунок на стелах эпохи ранней бронзы Минусинской котловины, с учетом приведенного выше факта, следует учитывать возможность обозначения ими ртов или глаз тех персонажей, к которым люди обращались во время обряда.

Таким образом, сопоставление материалов афанасьевской культуры с изображениями на стелах позволяет выделить из числа памятников, ранее считавшихся окуневскими, небольшую группу, обнаруживающую связь с афанасьевской традицией (рис. 11). Для них наиболее типичны изображения вертикальных рядов дуг, реже встречаются изображения ритуальных биконических сосудов и простых антропоморфных ликов, один раз зафиксирован вертикальный ряд косых крестов. Эти стелы обладают несомненным своеобразием и выделяются на фоне окуневских. Стоит отметить, что все известные сегодня стелы этой группы найдены только в южной части Минусинской котловины. К сожалению, все они были переиспользованы в сооружениях более позднего времени.

Первоначально изображения дуг или крестов наносились на узкой вертикальной и наиболее высокой грани каменной плиты или блока. Камень совершенно лишен каких-либо признаков антропоморфности. В контексте ритуала форма лицевой грани подчеркивала стремление к установлению вертикальных связей. Л.Р. Кызласов предложил сравнение дуг на стелах такого типа с зарубками на стволах священных деревьев у шорцев, алтайцев и телеутов, символизировавших слои неба (1986, с. 196). Выше дуг и одновременно с ними на одной из стел выбит кружок, который не противоречит такого рода космологическому объяснению, поскольку может обозначать светило на вершине неба (рис. 11-9). Традиция допускала повторное ритуальное использование того же камня. В этом случае новые изображения (чаще всего те же самые дуги) могли наносить на противоположную узкую грань меньшей высоты либо на одну из широких боковых граней. Вероятно, создание новых изображений сопровождалось переустановкой камня в новую яму или поворачиванием, чтобы должным образом ориентировать. Позднее большая часть этих стел была переиспользована для нанесения изображений других типов. В основном это окуневские антропоморфные лики (рис. 11-3, 5, 11, 12). Одна перевернутая стела с дугами переиспользована для нанесения изображения реалистичного лица в нехарактерном для окуневского искусства стиле (рис. 11-10). При этом стиль образа можно сравнить со скульптурой памятников сейминско-турбинского круга, найденной на территории Западной Сибири, Казахстана, Монголии.

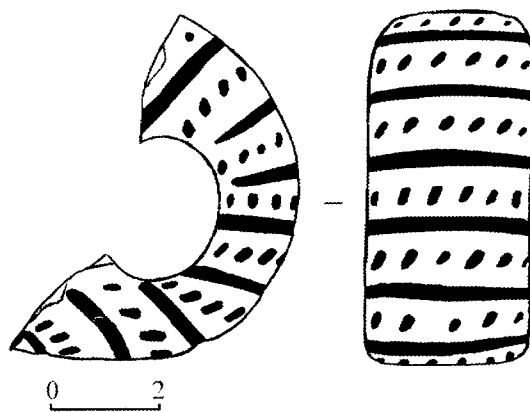

Рис. 10. Ручка от керамического сосуда. Тас-Хазаа, могила 2, погребение 1 (фонды ХНКМ)

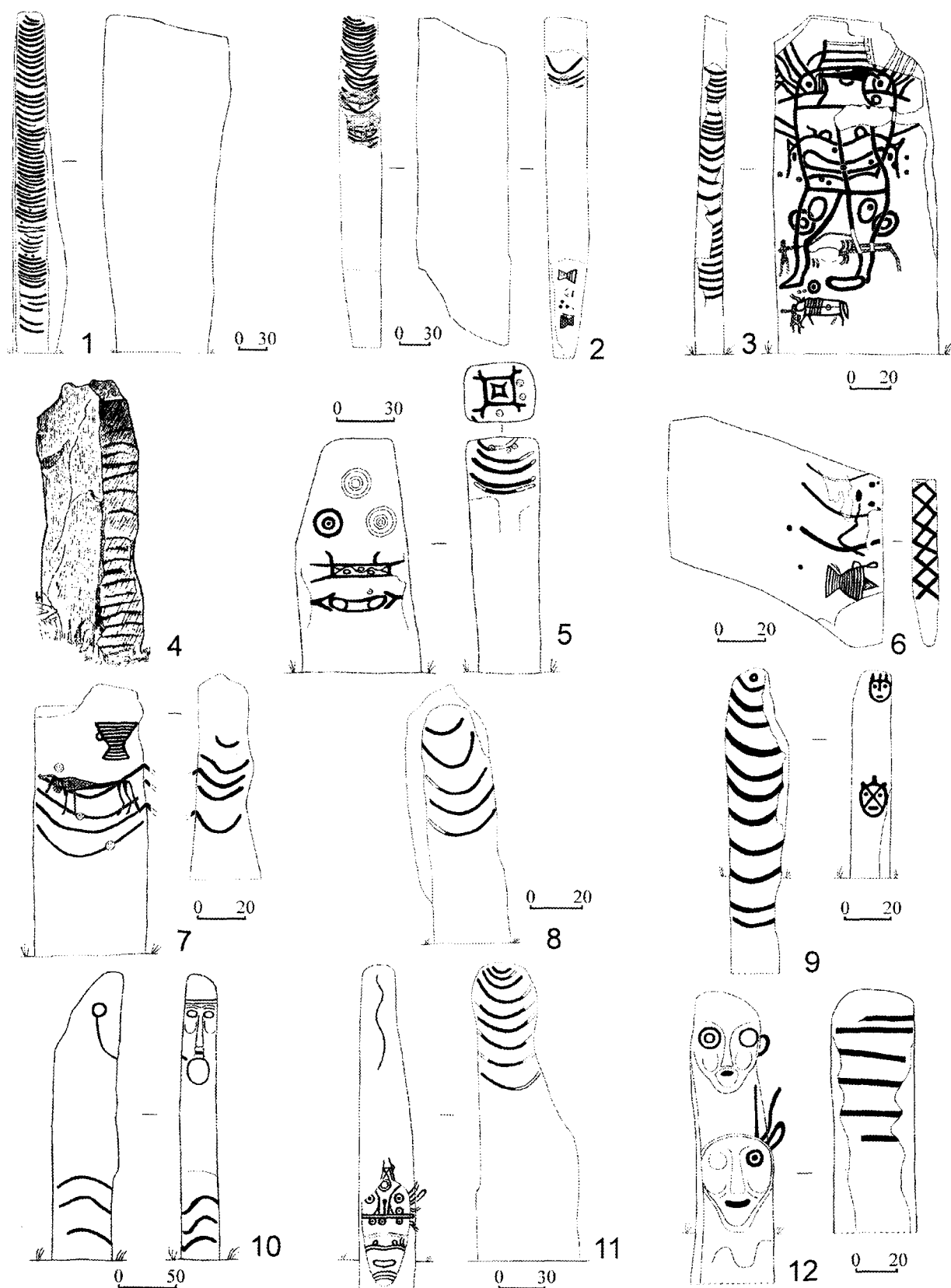

Рис. 11. Некоторые стелы с изображением вертикальных рядов дуг: 1 – Усть-Есь (по: Леонтьев Н.В. и др., 2006, №178); 2 – Кызлас; 3 – Абаканский чаатас (Там же, №159); 4 – р. Аскиз (Там же, №209); 5 – Камышта (Там же, №71, с коррективами); 6 – Уйбат V (Там же, №236); 7, 8 – г. Багульная (Хулган) (Там же, №167, 168); 9 – Бельтыры (Там же, №199); 10 – Салбыкская степь (Там же, №37); 11 – Аскизский чаатас (Там же, №77); 12 – Новопокровка (Там же, №193)

Кроме стел с простыми изображениями, афанасьевцы могли устанавливать менгиры, выполнявшие схожую ритуальную функцию, вертикальные камни без изображений. Находку фрагментов афанасьевской керамики у основания менгира на р. Аскиз отмечал Н.В. Леонтьев (Леонтьев Н.В. и др., 2006, с. 16). Три небольших вертикальных камня без изображений обнаружены возле восточной стороны ограды одного из афанасьевских курганов могильника Покровка-4 на Алтае (Шульга П.И., 2006, с. 59, 70). Афанасьевским временем датирует алтайские менгиры с выбитыми круглыми лунками В.Д. Кубарев, полагающий, что «из обычая их установки возникла традиция установки стел окуневского типа» (1988, с. 112).

Несмотря на своеобразие выделенной группы изображений, полностью обособлять ее от окуневского искусства нельзя. Дело в том, что близкие изображения встречаются в структуре сложных окуневских образов. Например, два вертикальных ряда дуг выбиты по бокам одного мифического хищника и внутри туловища другого (Леонтьев Н.В. и др., 2006, №120, 117), входят в структуру некоторых ликов (там же, №131, 228). С вертикальным рядом дуг или горизонтальных линий на узкой грани камня сопоставима композиция столпообразной фигуры над центральным ликом одной из стел (рис. 7-10). Определенная преемственность наблюдается и в рисунках курильниц. В частности, на нескольких стелах показаны курильницы, расположенные сверху сложного лика (рис. 9-4–8; 11-3). У этих курильниц отсутствует ручка, но, в нескольких случаях, как и у рисунка с Уйбата V (рис. 9-2), сверху имеется треугольник. На стеле из улуса Кызлас кроме курильницы с ручкой и простого антропоморфного лика позднее выбиты две курильницы без ручек, перевернутые по отношению к ним на 180° (рис. 11-2). То есть преемственность в выборе объектов, изображаемых на стеле, сочетается с изменением их конструкции. В двух случаях возле курильницы с ручкой изображены антропоморфные лики, причем на стеле из Уйбата V рот лика и чаша сосуда соединены извилистой линией, возможно символизирующей кормление божества дымом сжигаемых в сосуде приношений (рис. 9-2). Иным способом передачи той же идеи является изображение одного лишь рта над курильницей без ручки на стеле из улуса Кызлас (рис. 9-3). Определенная преемственность в традиции изображения курильниц «афанасьевской» и «окуневской» конструкции перекликается с гипотезой о том, что окуневский гип курильниц является результатом дальнейшего развития афанасьевского типа (Грязнов М.П., 1999, с. 53; Вадецкая Э.Б., 1986а, с. 35).

Связь изображений биконических сосудов с расположенным рядом ликом или ртом позволяет интерпретировать сами сосуды не как курильницы или светильни, а как переносные алтари, в которых сжигались приношения для богов. Этими приношениями могли быть ароматические и другие растения, растительные продукты и животный жир. При этом, как свидетельствуют изображения на стелах, в ритуальной практике курильницы могли устанавливаться на голове, приближая к небу. Подтверждением этой гипотезы служит находка реальной курильницы на черепе в одном из окуневских погребений (Липский А.Н., 1952, с. 71).

В серии изображений ритуальных сосудов выделяется одно окуневское изображение, сочетающее признаки переносного алтаря и повозки с копытами в кузове (рис. 10-7). Тут нет противоречия, если учесть широкое использование в древности в обрядовой сфере метафорических отождествлений и эпитетов, которые находили отражение не только в устных текстах, но и в искусстве (Леонтьев Н.В. и др., 2006, с. 26–27; Есин Ю.Н., Ожередов Ю.И., 2008, с. 107). Для понимания данного изображения, исходя из принципов интерпретации метафоры, разработанных в филологии, необходимо найти сходство в некоторых признаках двух несовместимых объектов действительности – алтаря и повозки. Наиболее вероятный общий признак связан с их функцией, направленной на установление связей между разными частями мира и разными мирами. Возможно, данное метафорическое отождествление, наделяющее алтарь качествами повозки, отражало мифопоэтическую формулу, рассказывавшую о том, что алтарь, подобно повозке богов, обеспечивает надежную и быструю доставку жертвы на небо. Схожие представления о том, что жертвоприношение и молитва людей к богам «отправляются путем колесницы», зафиксированы в Ригведе (Кузьмина Е.Е., 1974, с. 84), а сам огонь, в котором сжигались приношения, часто именуется возничим (RV, I, 44:2; I, 72:7; I, 74:6–7; I, 77:3).

Изображения биконических сосудов над ликами занимают позицию, где в других случаях показано столпообразное изображение. Позиционное тождество может свидетельствовать о функциональной близости: и столп, и алтарь служат для установления связей между земным миром и небом. Возможно, это повлияло и на сходство их изобразительной структуры – деление алтаря на ярусы горизонтальными линиями, расположение вдоль его оси вертикальной волнистой линии и др.

Антропоморфные лики, над которыми показаны биконические ритуальные сосуды без боковых ручек, различаются деталями, но принадлежат к одному типу. Ранее, по типологической схеме Н.В. Леонтьева, подобные изображения относились к классической, черновской группе окуневского искусства (1978, с. 95). Сегодня их хронологическую позицию и место в типологической схеме можно уточнить. В частности, у одного лика нижний ярус

выделен не горизонтальной, а дугообразно выгнутой вверх линией, как это типично для трехъярусных ликов из раннеокуневского кургана Тас-Хазаа (рис. 7-3). У двух ликов над кружками глаз показаны полуovalы, продолжающие традицию изображения на этом же месте силуэтных полуovalов или наклонных черточек в раннеокуневском искусстве. Кроме того, одна стела с таким рисунком (рис. 9-7) найдена в кургане раннего (уйбатского по И.П. Лазаретову) этапа окуневской культуры. Это свидетельствует о появлении данного типа изображений еще на раннем этапе окуневской культуры.

Отмеченные связи выделенной афанасьевской группы стел с окуневскими изображениями позволяют рассматривать их образы и стоящие за ними представления в качестве одного из компонентов, ставших частью окуневского искусства и повлиявших на его формирование. В основном, такие изображения синхронизируются с ранним этапом окуневского искусства. В последующем, вероятно, этот комплекс потерял своеобразие, более тесно интегрировавшись с окуневским. Создателями таких стел, видимо, были афанасьевцы и их потомки, но появились они, скорее всего, в период сосуществования с окуневской культурой. Определенный период сосуществования сейчас подтверждается целым рядом фактов (Вадецкая Э.Б., 1986а, с. 35; Соколова Л.А., 2008, с. 347–350). Во всяком случае, погребение из могильника Тесь с костяной кинжаловидной подвеской и сосудом с косою сеткой на тулове датируется позднеафанасьевским временем (Леонтьев Н.В., 1975, с. 65). К тому же времени, вероятно, должен относиться и плоскодонный сосуд с нарисованными белой краской столпообразными знаками из другого кургана у с. Тесь. Кстати, яйцевидный сосуд из могильника Улаган с композицией в виде противопоставленных треугольника и уголка также найден совместно с плоскодонным (Хлобыстина М.Д., 1975, с. 24), характерным для культур Саяно-Алтая следующего за афанасьевским хронологического горизонта. Стилистические параллели из раннеокуневских захоронений для лика возле рисунка курильницы с ручкой из могильника Уйбат V уже были отмечены выше. Три стелы с дугами, курильницей и простым ликом у подножия горы Багульная находятся рядом с афанасьевским могильником (Кызласов Л.П., 1962, с. 112–118; Кызласов Л.П., 1986, с. 245–251), материалы которого отражают контакты с окуневским населением. Возможно, отдельные изображения в материалах афанасьевской культуры, сопоставимые с изобразительными элементами окуневского искусства, могут быть результатом попадания афанасьевцев в сферу влияния окуневской культуры. Само окуневское искусство – явление весьма сложное, отражающее объединение различных по происхождению групп населения в определенную «ритуально-мифологическую» общность. Ее генезис, мифологическое и изобразительное ядро связано с окуневской культурой, с новым, занявшим доминирующее положение в Минусинской котловине народом. Но эта общность распространялась и на потомков афанасьевцев, и на потомков неолитического населения котловины. Восприняв новые идеи, они тоже привнесли в окуневское искусство свои почитаемые образы. Формирование этой общности, очевидно, происходило через установление брачных отношений мигрантов с различными группами местного населения, т.к. заимствование мифов происходит вместе с кровью (Золотарев А.М., 1964, с. 279–280).

За пределами Минусинской котловины, на других территориях распространения афанасьевских памятников, стелы с изображением вертикальных рядов дуг или крестов, биконических сосудов с ручкой не известны. В качестве очень отдаленной аналогии можно упомянуть лишь стелы из гробницы майкопской культуры в Нальчике. На некоторых из них тоже изображены дуги, однако расположены они на широкой стороне плит с антропоморфными очертаниями (Чеченов И.М., 1970, рис. 8–1). Видимо, выделенная по материалам Минусинской котловины, афанасьевская группа стел – явление локального характера, в отличие от менгиров. Отсутствие аналогов ей на других занятых афанасьевскими памятниками территориях позволяет пока рассматривать ее как специфическую особенность этнокультурного развития конкретного региона.

Все антропоморфные лики на стелах, которые можно соотнести с афанасьевским наследием, очень простые. Возможно, это связано не только с тем, что они наиболее ранние и архаичные, но и с тем, что простые изображения более удобны для заимствования, больше подходят для наполнения их собственным содержанием. Уже достаточно долго ведутся споры о том, с какой культурой – окуневской или афанасьевской – связывать изображения на стелах и плитах из таких курганов как Тас-Хазаа и Большое кольцо, объединяющих в одной ограде и даже одной могиле захоронения представителей обеих культур. Если рассматривать эту проблему не на уровне культур, а на уровне создававших конкретные погребальные памятники коллективов, изображенные персонажи должны были почитаться всеми их членами, независимо от происхождения и этнической принадлежности. С этих позиций, данные персонажи не только окуневские, но и афанасьевские божества. Возможно, при создании таких образов могли учитываться и какие-то традиционные особенности афанасьевских ритуально-мифологических представлений.

Проблемы культурной принадлежности изображений на скалах. Изображений, подобных быкам Усть-Тубы II, и животных в минусинском стиле, являющихся претендентами на принадлежность к искусству афана-

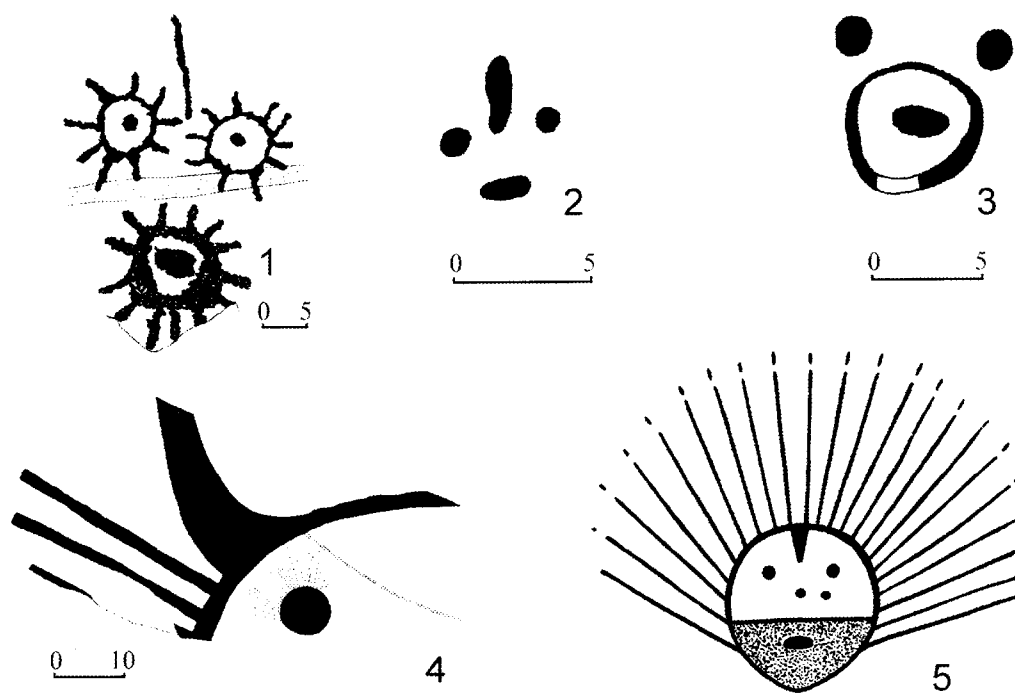

Рис. 12. Лик с памятника Усть-Туба II и некоторые аналогии: 1 – Усть-Туба II; 2, 3 – Большое кольцо (по: Леонтьев Н.В. и др., 2006, №134); 4 – фрагмент лика на обломке стелы из кургана Тас-Хазаа; 5 – Анхаков

сьевской культуры, ни на предметах из афанасьевских погребальных и поселенческих памятников, ни на известных сегодня стелах Минусинской котловины, нет. В этой ситуации для выяснения культурно-хронологической принадлежности таких изображений необходим поиск параллелей для отдельных их признаков и сопутствующих им образов.

Изображения из Усть-Тубы II по ряду признаков имеют вполне отчетливое сходство с другими петроглифами котловины. В частности, антропоморфный лик (рис. 12-1) выбит на естественном выступе, форма которого напоминает человеческую голову анфас в конусовидной шапке. Такой головной убор характерен для многих окуневских изображений. Между глазами и ртом расположен горизонтальный желобок. Он естественного происхождения, но занимает в структуре лика место искусственно нанесенной горизонтальной разделительной линии, типичной для раннеокуневского стиля (рис. 12-5). Вертикальная черта на лбу аналогична такому же элементу в структуре ликом раннеокуневского стиля (рис. 12-2, 5). Аналог полуовалу вокруг рта есть у раннеокуневских ликом с контуром (рис. 7-3) и без контура (рис. 12-3). Радиальные лучи, расходящиеся от глаза, зафиксированы у изображения из кургана Тас-Хазаа (рис. 12-4). Вообще, набор признаков лика с памятника Усть-Туба II находит убедительные параллели в группе «солнцеголовых» персонажей раннеокуневского искусства (рис. 12-5). Отличие лишь в том, что лучи сияния отходят не от контура лица, который не изображен, а от основных его элементов – глаз и рта. Белый кальцитовый натек, покрывающий поверхность скалы по бокам и сверху образа, усиливает впечатление исходящего от него света (Есин Ю.Н., 2010, фото на с. 112). Быки этого памятника тоже не так уж необычны. От далекой аналогии с рисунками Узбекистана (Шер Я.А., 1980, с. 193) следует отказаться ввиду серьезных различий. Крупный размер рисунков, узкая и удлинённая форма головы животных, поперечные линии на туловище сближают их с минусинским стилем. Угловатая подпрямоугольная форма туловища, количество и положение ног напоминают особенности некоторых изображений раннеангарского стиля. Утолщение на конце хвоста, форма и положение рогов сопоставимы с признаками некоторых петроглифов более южных территорий Саяно-Алтая и окуневской культуры. Опираясь на аналогии для лика, возраст изображений из Усть-Тубы II может быть соотнесен с периодом становления окуневской культуры в Минусинской котловине и финалом афанасьевской, периодом миграции в Минусинскую котловину новых групп скотоводов и взаимодействия различных изобразительных традиций.

Определенный интерес для уточнения хронологии минусинского стиля представляют изображения на плоскости 7 памятника Бояры I, расположенной под навесом, обращенной на ЮВ (рис. 1). Рисунки в минусинском стиле здесь стратиграфически самые ранние. Их перекрывает пласт рисунков ангарского стиля, поверх которых

выбито три «тощих» животных в разливском стиле. Последние имеют точные соответствия на плитах из окуневских курганов. Окуневские параллели, хотя и менее точные, обнаруживает и часть рисунков ангарского пласта. Они сопоставимы с рисунками окуневских «тучных» быков. На приведенном фрагменте плоскости к их числу относится правый нижний бык. С рисунками из окуневских курганов его сближают форма туловища и головы, количество и положение ног, количество и форма рогов, форма и способ изображения глаза. Отличия заключаются в отсутствии некоторых деталей (например, для окуневских «тучных» быков характерен показ половых признаков), более грубом исполнении и более крупном размере. Тем не менее, наиболее вероятная датировка этой фигуры, а значит и всего ангарского пласта данного памятника – окуневское время. Вместе с тем, ряд других рисунков этого пласта той же плоскости демонстрирует сохранение признаков минусинской традиции – показ только двух ног и одного рога, легкий подгиб передних ног под туловище, вертикальное расположение фигуры. Это можно интерпретировать как свидетельство сосуществования двух традиций на определенном этапе и указание на отсутствие хронологического разрыва между окуневским временем и временем бытования минусинского стиля.

Такое объяснение вступает в противоречие с последними вариантами периодизации наскального искусства Минусинской котловины, согласно которым между минусинским стилем и искусством окуневской культуры имелся хронологический разрыв, во время которого существовал ангарский стиль (Советова О.С., Миклашевич Е.А., 1999, с. 56, 57; Миклашевич Е.А., 2004, рис. 1). Вместе с тем, в определенной мере, предлагаемая интерпретация согласуется с более ранней концепцией Н.Л. Подольского, впервые выделившего минусинский и ангарский стили. Согласно ей минусинский стиль появился на Енисее в эпоху энеолита. Затем он некоторое время сосуществовал с ангарским стилем, период широкого распространения которого совпал с окуневской культурой (Подольский Н.Л., 1973, с. 271, 275).

Примечательна преемственность в изображении и почитании образа быка от минусинского стиля к рисункам окуневского времени святилища на памятнике Бояры I. Вероятно, изображения здесь создавались разными поколениями одного сообщества, состав и традиции которого претерпевали трансформацию с течением времени под влиянием внутренних и внешних факторов. Обращает на себя внимание также возможность сравнения дугообразных «ребер» у вертикально расположенной фигуры быка (рис. 1), сохраняющей многие признаки минусинского стиля, с вертикальным рядом дуг на стелах, предположительно создававшихся афанасьевцами. Попутно стоит отметить, что, несмотря на традиционное использование термина «ангарский стиль» применительно к подобным изображениям, таких рисунков быков на Ангаре, в таежной зоне, не известно. Изображения минусинского стиля (в широком понимании, включая сопоставимые рисунки за пределами Минусинской котловины) тоже связаны не с лесными, а с лесостепными и степными районами Саяно-Алтая, подходящими для занятия скотоводством и ведения комплексного хозяйства; их ареал практически совпадает с ареалом афанасьевских памятников (не вполне ясна пока только ситуация на территории Тувы, но и афанасьевские памятники Тувы на фоне минусинских и алтайских отличаются значительным своеобразием). В данном контексте, правда без твердых аргументов, гипотеза об афанасьевской атрибуции минусинского стиля кажется более предпочтительной, чем гипотеза о его палеолитическом или неолитическом возрасте и связи с первобытными охотниками (Шер Я.А., 1980, с. 193; Советова О.С., Миклашевич Е.А., 1999, с. 53–55; Миклашевич Е.А., 2006, с. 198).

Еще одним аргументом в пользу отсутствия хронологического разрыва между наскальным искусством окуневской культуры и минусинским стилем являются изображения Коровьего лога I (Леонтьев Н.В., 1976, рис. 2). Здесь на одной плоскости относительно синхронно нарисованы раннеокуневские антропоморфные фигуры и копытные (маралы?) с отличительными признаками минусинского стиля (вытянутая вперед шея, маленькая относительно размера туловища голова, изображение только одной передней и одной задней ноги, легкий подгиб под туловище передней ноги и др.). В сравнении с классическими рисунками копытных в минусинском стиле, рисунки животных из Коровьего лога трактованы более схематично и несколько меньше по размеру. Вероятно, подобно памятнику Бояры I-7, эта писаница зафиксировала взаимодействие разных изобразительных традиций.

Важным памятником в связи с проблемой культурно-хронологической атрибуции изображений минусинского стиля являются петроглифы одной плоскости горы Георгиевская, расположенной на левом берегу р. Туба, на окраине с. Тесь Минусинского района Красноярского края. Плоскость находится под навесом, обращена на ЮВ. Здесь выбиты изображения полных и парциальных фигур маралов, фигура быка, антропоморфный лик и антропоморфная фигура (рис. 13). Все рисунки животных принадлежат к минусинскому стилю и сопоставимы с ранними рисунками святилища Кучерла I на Алтае. Заслуживает внимания, что у одного из маралов показано три ноги. Эта особенность присуща некоторым другим ранним рисункам Минусинской котловины (рис. 14-2) и группе трехногих изображений близкого стиля на территории Российского и Монгольского Алтая (Кубарев В.Д., 2007, с. 116, рис. 11-1–7). Рисункам животных горы Георгиевская относительно синхронно изображение антропоморфного лика. У него

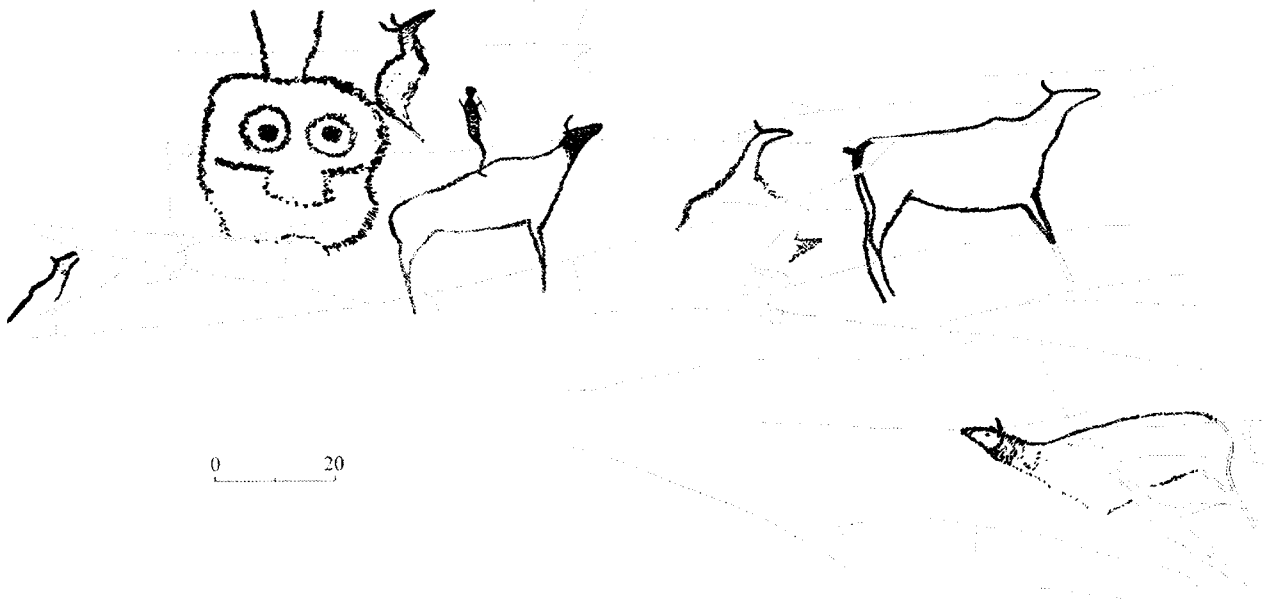

Рис. 13. Петроглифы минусинской традиции на горе Георгиевская

неровный округлый контур. В верхней части контура на месте глаз выбиты две контурные окружности с силуэтными кружками меньшего диаметра внутри. Снизу кружков нанесена горизонтальная линия, которая в средней части выгнута вниз. Этот выгиб напоминает клюв птицы или нос зверя. Рот не показан. Сверху контура лика выбиты две наклонные линии. Антропоморфная фигура перекрыла изображение быка. У нее одна, показанная сбоку и полусогнутая в колене, нога. Имеются две непропорционально короткие руки, отходящие вверх от развернутого анфас туловища. Одна из рук держит «жезл». Туловище поделено внутри поперечными линиями, обозначена шея. Голова, вероятно, изображена в профиль. По своим стилистическим признакам антропоморфная фигура, несомненно, принадлежит к группе древнейших антропоморфных изображений Минусинской котловины (Шер Я.А., 1980, с. 193–194, рис. 106).

Наибольший интерес среди перечисленных рисунков представляет лик. Две линии сверху него сопоставимы с «рогатым головным убором» у многих образов из упомянутой выше группы древнейших антропоморфных фигур. Эти же две линии над ликом, наличие одной поперечной линии внутри контура, форма глаз позволяют сравнивать его с ранними окуневскими изображениями. Однако, изображение явно не окуневское. Скорее его можно рассматривать как подражание окуневским образам, но на основе других мифологических представлений. Это не единственное изображение головы божества, которое сопутствует петроглифам в минусинском стиле. Еще два рисунка известны на памятнике Оглахты I (рис. 14-1, 2). У них иная форма – в виде полуовала вершиной вниз. Один рисунок выбит силуэтно, а другой – по контуру. Такая форма, особенно у силуэтного изображения, напоминает форму голов животных в минусинском стиле. У контурного изображения овальными ямками показаны глаза и более длинной вертикальной линией – нос; рта нет. По бокам ликов имеются изогнутые в виде рогов быка линии, которые отходят от верхней части образа и направлены вниз (как у головы быка при виде сверху). Такие же рога показаны у близкого окуневским, но тоже не совсем обычного трехглазого лика с того же памятника (Sher Ja. et al., 1994, fig. 61.6). По форме лика и положению рогов изображения памятника Оглахты I наиболее близки нарисованным красной краской образам раннеокуневского времени из грота Проскурякова на р. Белый Июс (рис. 14-3). Схожие линии по бокам головы (и треугольные крылья, как у рисунка из грота Проскурякова) есть у антропоморфной фигуры на плите из каракольского погребения в с. Озерное (Кубарев В.Д., 1988, рис. 68). Сверху силуэтного изображения с Оглахты I (рис. 14-2) выбит угол, на вершине которого расположено утолщение в виде еще одного силуэтного лика или силуэтного треугольника вершиной вниз (хотя этот же рисунок может напоминать антропоморфную фигуру анфас, голова которой утрачена из-за перекрывания фигурой марала). Над контурным ликом тоже имеется рисунок, похожий на еще один более маленький и более условный лик той же формы (рис. 14-1). Это напоминает ярусное расположение образов на многих окуневских стелах. Рядом с контурным изображением лика поверх крупной фигуры марала в мину-

Рис. 14. Изображения памятника Оглахты I и сопоставимые антропоморфные лики из гота Проскуракова: 1, 2 – Оглахты I (по: Sher Ja. et al., 1994, fig. 45.13, 101.7); 3 – изображения в левом дальнем углу гота Проскуракова

синском стиле на памятнике Оглахты I выбиты ямки, которые похожи на простые антропоморфные лики без контура (рис. 14-1; Миклашевич Е.А., Ожередов Ю.И., 2008, рис. 11, 12).

Важной стилистической особенностью антропоморфной фигуры с горы Георгиевская являются короткие и направленные вверх руки. Такие же руки показаны у ряда других антропоморфных фигур ранней группы (Пяткин Б.Н., Мартынов А.И., 1985, табл. 4–1, 2; и др.). Они сопоставимы с изображением коротких и направленных вверх рук у некоторых столпообразных фигур Калбак-Таша (рис. 7-5, 6), относительно одновременных рисункам животных в близком Минусинском стиле. В свою очередь, эти столпообразные фигуры уже отмечались среди аналогов столпообразным фигурам афанасьевского сосуда из могильника Подсуханиха. Трактовка антропоморфного персонажа близка профильным мужским фигурам, сопровождающим столпообразные изображения Калбак-Таша (Kubarev V., Jacobson E., 1996, fig. 190, 255, 559). Здесь же стоит упомянуть сходство декора на некоторых столпообразных фигурах Алтая с изображением растений на афанасьевских сосудах (рис. 7-7; Kubarev V., Jacobson E., 1996, fig. 188, 314, 348). Эти факты можно рассматривать как дополнительный аргумент в пользу сопоставления изображений минусинской традиции с близкими по стилю петроглифами Алтая и как еще один косвенный аргумент в пользу их связи с афанасьевской культурой.

Последнее, однако, вступает в противоречие с существующим представлением о том, что образы минусинского стиля связаны с дикими животными и отражают мир первобытного охотника (Шер Я.А., 1980, с. 192; Советова О.С., Миклашевич Е.А., 1999, с. 53). Правда, относительно образа быка твердой уверенности в справедливости такого представления нет. Отсутствие признаков одомашненности (петли в носу, ошейника, комолости и др.), массивность корпуса, реалистичность исполнения характерны и для многих изображений быков в окуневском искусстве, создателями которого были скотоводы. Отдельного внимания заслуживает сходство в членении туловища животных в минусинском стиле и в окуневском искусстве поперечными линиями (обычно на три части), а также сходство в отделении линией или выделении силуэтной выбивкой головы (Советова О.С., Миклашевич Е.А., 1999, табл. 1; Blednova N. et al., 1995, fig. 8–1-4). Наиболее сложные из окуневских изображений такого рода свидетельствуют о ритуальном значении этого членения, обусловленного представлениями об отождествлении частей тела животного с частями мира (Леонтьев Н.В. и др., 2006, с. 66, 67). Подобные представления, видимо, стоят и

за более простыми вариантами использования этого приема в минусинском стиле, а также у быков из комплекса Усть-Туба II. Независимо от того, дикие или одомашненные быки изображены в минусинском стиле, прямой связи между типом хозяйства и набором образов в искусстве ожидать не стоит. Например, даже в искусстве ранних земледельцев Передней и Средней Азии преобладают образы диких животных, сохранивших важную роль в мифологии (Антонова Е.В., 1988, с. 19). В связи с тем, что одну из ключевых позиций в искусстве минусинского стиля занимал образ марала, можно привести здесь еще один заслуживающий внимания факт: рога марала найдены в погребении 5 могилы 2 кургана Тас-Хазаа, где захоронены мужчина и женщина окуневского физического типа, но в сопровождении сосуда афанасьевского типа (Липский А.Н., Вадецкая Э.Б., 2006б, с. 17). Несомненно, что рога здесь были положены не в качестве сопроводительного хозяйственного инвентаря, а в связи с ритуально-мифологическим значением самого животного.

Таким образом, некоторые признаки изображений минусинской традиции и близкой ей серии изображений Алтая обнаруживают определенное сходство с рисунками на афанасьевских сосудах и с отдельными особенностями окуневского искусства. Принадлежащие к ней лики можно рассматривать как подражания окуневскому искусству либо как прототипы, повлиявшие на формирование некоторых его образов. В любом случае, эти факты можно оценивать как свидетельство их эпохальной и некоторой мировоззренческой близости, отсутствия хронологического разрыва между бытованием изображений минусинской традиции и временем распространения окуневского искусства. На современном этапе исследований изложенные выше факты можно рассматривать как аргументы в пользу афанасьевской атрибуции изображений минусинской традиции или части этих изображений (если допускать возможность использования схожих стилистических приемов разными культурными группами определенной эпохи, подобно тому, как это, видимо, имело место в случае с ангарским стилем).

Вместе с тем, проблемы выделения афанасьевского наскального искусства далеко не исчерпаны. Для надежного решения этого вопроса необходимо изучение целого ряда смежных тем: исследование неолитических памятников Минусинской котловины; специальное и более глубокое изучение изображений самого минусинского стиля; специальное изучение и дифференциация петроглифов ангарского стиля. Не исключено, что какие-то новые факты в будущем может дать изучение афанасьевских поселенческих комплексов, формирование которых не было ограничено жесткими нормами погребальной обрядности. При изучении афанасьевских погребений обязательной процедурой должен стать специальный осмотр всех плит и плиток на предмет возможного наличия изображений, что ранее, как правило, не практиковалось.